

ОНС

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

журнал издается с декабря 1976 г., выходит 6 раз в год

3

2000

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

Н.Е. ТИХОНОВА

Социальная структура российского общества: итоги восьми лет реформ*

Проблемы социальной структуры постоянно привлекают к себе внимание российских социологов. При этом как в силу личных исследовательских интересов и страстей, так и в силу объективных возможностей у каждого, кто работал в последние годы над проблемами социальной структуры, оказался свой, неповторимый угол зрения. Не случайно поэтому работы Л. Беляевой, Л. Гордона, З. Голенковой, Т. Заславской, Е. Игитханян, Н. Лапина, Е. Старикова, М. Черныша, О. Шкаратана и других исследователей в данной сфере очень самобытны. Каждый из них в соответствии с избранными ими критериями стратификации, видит эту структуру по-разному.

Большинство этих исследований объединяет в методологическом плане стремление подойти к проблеме анализа социальной структуры как бы "извне", выделяя те или иные группы с позиций заранее определенных критериев. Ни в коей мере не умаляя значимости такого, ставшего уже классическим в исследованиях социальной структуры подхода, я полагаю, что не меньшее право на существование, особенно в условиях общества трансформационного типа, где объективные критерии текучи и условны, имеет попытка рассмотрения социальной структуры России через призму субъективного подхода - ощущения своего социального статуса самими россиянами.

Однако прежде чем ответить на вопрос, как выглядит социальная структура России при таком подходе, целесообразно взглянуть на социальную структуру западных стран глазами их населения. Только тогда можно будет в полной мере понять российскую специфику. Не вдаваясь в обсуждение методологических аспектов этой проблемы, отмечу лишь, что, судя по данным исследования The International Social Survey Programme "Social Inequality II" (ISSP-1992, проводившегося в 1991-1993 годах в 17 странах Европы и Северной Америки)¹, "среднеарифметическая" социальная структура² выглядела следующим образом (см. рис. 1).

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 98-03-04207).

¹ ISSP - многолетняя программа кросс-национальных исследований. Массив данных исследования ISSP-92 был получен мною в Центральном архиве эмпирических социологических исследований Кельнского университета (ФРГ).

Для построения модели социальной структуры использовались результаты теста интегральной самооценки своего социального статуса по десятибалльной шкале. Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1 (высшая) позиция - 0,8%; 2 позиция - 1,0%; 3 позиция - 5,7%; 4 позиция - 12,5%; 5 позиция - 28,3%; 6 позиция - 18,1%; 7 позиция - 13,5%; 8 позиция - 10,0%; 9 позиция - 5,5%; 10 (низшая) позиция - 4,6%.

Тихонова Наталья Евгениевна - кандидат философских наук, заместитель директора независимого института социальных и национальных проблем (РНИС и НИП).

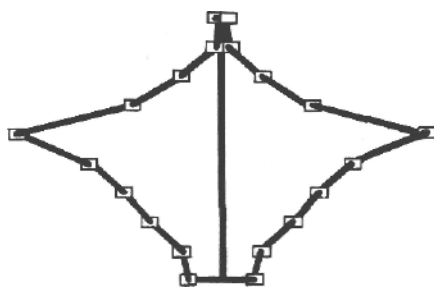

Рис. 1. Типичная социальная структура 17 стран Европы и Северной Америки.

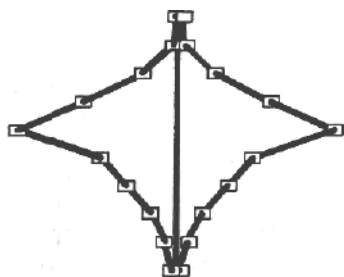

Рис. 2. Социальная структура западных земель Германии.

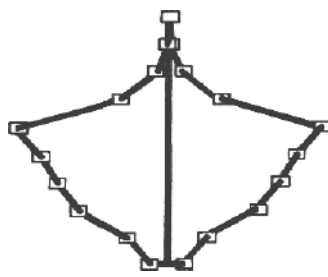

Рис. 3. Социальная структура восточных земель Германии.

Примем для дальнейшего анализа шкалу, по которой две самые нижние в представленной на рисунке 1 модели (т.е. 9 и 10) статусные позиции соответствуют низшему классу, 7-8 - "нижнему среднему" классу (применительно к России наиболее удачным является предложенный для этих социальных слоев Заславской термин "базовый" слой), 4-6 - собственно среднему классу, а позиции с 1 по 3 - "верхнему среднему" классу (с некоторой натяжкой, опять-таки применительно к условиям России, эти слои в силу ряда причин можно отнести к "околоэлитным"). При такой шкале для 17 обследованных стран "верхний средний" класс составил 7,5%, средний - 58,9%, нижний средний - 23,5%, а низший - 10,1% населения.

Вариации представленной на рисунке 1 типичной социальной структуры хотя и имели место, в подавляющем большинстве стран были очень невелики. На рисунках 2³ и 3⁴ представлена, например, социальная структура западных и восточных земель Германии в 1992 году, т.е. в тот период, когда Восточная Германия, как и современная Россия, уже несколько лет находилась в стадии рыночной трансформации.

Как видим, хотя низ фигуры, представленной на рисунке 3, намного более массивен и сосредоточивает в себе большую часть общества, чем у фигур на рисунках 1 и 2, все же здесь сохраняются характерные "крылья", соответствующие наиболее распространенной средней статусной позиции. В целом эта фигура свидетельствует о наличии социальной структуры того же типа, хотя и несколько иных пропорций. Социальная структура России в 1992 году, несмотря на начало рыночных реформ, также в целом

• По данным центра Е. Ноэль-Нейман, эта фигура очень похожа на ту, которая характеризует в настоящее время социальную структуру населения Германии старше 16 лет. Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1 (высшая) позиция - 0,6%; 2 позиция - 1,3%; 3 позиция - 7,9%; 4 позиция - 19,9%; 5 позиция - 33,8%; 6 позиция - 16,4%; 7 позиция - 11,3%; 8 позиция - 5,5%; 9 позиция - 2,5%; 10 (низшая) позиция - 0,8%.

Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1 (высшая) позиция - 0,1%; 2 позиция - 0,3%; 3 позиция - 1,9%; 4 позиция - 8,3%; 5 позиция - 25,6%; 6 позиция - 21,4%; 7 позиция - 18,3%; 8 позиция - 14,7%; 9 позиция - 6,7%; 10 (низшая) позиция - 2,8%.

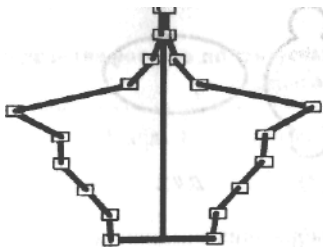

Рис. 4. Социальная структура России в 1992 году.

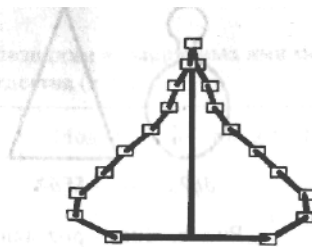

Рис. 5. Социальная структура России летом 1998 года.

воспроизводила тогда общий для всех обследованных стран тип социальной структуры (см. рис. 4)⁵.

Характерная для фигуры на рисунке 4 "утяжеленность" нижней части напоминает модель социальной структуры восточных земель Германии и была присуща в тот период всем постсоциалистическим странам, входившим в исследование, а ее "угловатость" отражала начавшуюся резкую ломку социальных статусов, которая не всегда адекватно преломлялась в сознании людей. Однако в целом сам по себе тип социальной структуры соответствовал "нормальному". При этом в верхний средний класс в тот момент себя зачисляли 2,8% населения, в средний - 48,8%, в нижний средний-30,4%, а в низший- 18,0% россиян.

Как же повлияли реформы на модель социальной структуры России? Как видно из рисунка 5, изменения эти были более чем значительны - изменился сам ее тип. "Крылья", в которых концентрировался средний класс, как бы опустились, и те слои населения, которые относили себя раньше к среднему классу, перешли в состав низших слоев. В результате основной характерной особенностью вновь возникшего типа социальной структуры стала "приниженность" социальных статусов основной массы россиян⁶.

Российское общество оказалось обществом смещенных вниз статусных позиций⁷: немногочисленные представители "верхнего среднего слоя", фактически являющиеся "околоэлитными" кругами, которые к тому же и по своим ценностям и стандартам жизни ориентируются именно на элиту, и небольшой средний класс при сосредоточении основной массы населения в двух низших классах общества ("базовом" и "низшем"). Именно в этом, а не только в различной численности основных классов общества заключается одно из основных отличий социальной структуры России от социальной структуры западноевропейских и североамериканских стран.

В то же время базовый класс был разделен мною на две группы, в соответствии с рядом факторов. Это и многочисленность базового слоя, и полученные в ходе панельного исследования в рамках работы по гранту ИНТАС "Перестройка государства всеобщего благосостояния: сравнение Востока и Запада. 1995-1998 годы" [2] данные о неоднородности этого слоя, распадающегося на среднеобеспеченных и малообеспеченных, и выявленная тенденция "размывания" малообеспеченных с попаданием значительной их части в состав бедных. Одна из этих групп, весьма условно названная мною "среднеобеспеченные" и составлявшая летом 1998 года, судя по неко-

⁵ Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1 (высшая) позиция - 0,4%; 2 позиция - 0,5%; 3 позиция - 1,9%; 4 позиция - 5,9%; 5 позиция - 25,3%; 6 позиция - 17,6%; 7 позиция - 17,3%; 8 позиция - 13,1%; 9 позиция - 9,2%; 10 (низшая) позиция-8,8%.

⁶ Численные значения, использовавшиеся для построения модели, приведены в таблице 1 в последней колонке.

⁷ Ранее на это уже обращали внимание некоторые исследователи (см., например, [1]).

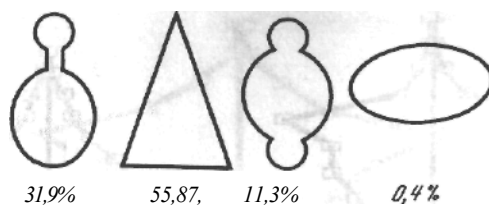

Рис. 6. Число россиян, выбравших различные модели социальной структуры российского общества (в %).

торым косвенным данным, около 1/3 базового слоя, хотя и с некоторыми оговорками, может рассматриваться как российский аналог "нижних слоев среднего класса" западных стран. Вторая - группа малообеспеченных, примыкающая с учетом общности тенденций в изменении их положения к бедным. В целом, учитывая особенности образа жизни малообеспеченных, можно сказать, что сегодня в России есть три массовые группы бедных - малообеспеченные, бедные и нищие (причем под "нищими" я подразумеваю не профессиональное нищенство, а определенный уровень и образ жизни не входящих в состав "социального дна" россиян), характеризующиеся разной глубиной бедности.

О том, что за годы реформ в России произошло не просто обеднение, а массовое перемещение в число бедных и малообеспеченных основной массы населения, свидетельствует и выбор россиян при ответе на задававшийся им в общероссийском исследовании РНИСиНП "Граждане России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?" в июне 1998 года вопрос о том, как они представляют себе модель нашего общества и где они видят свое место в нем. Для получения ответа на этот вопрос использовался графический тест, где респондентам предлагалось выбрать одну из фигур, отражающую, с их точки зрения, модель социальной структуры российского общества, и указать на ней в любой клетке свое место (см. рис. 6).

При всей нейтральности каждая из использованных моделей говорила о многом, так как позволяла зафиксировать подсознательные представления россиян о масштабах существующей социальной дифференциации, сравнительной численности групп, различающихся по их статусу, степени несправедливости устройства современного российского общества и т.д. При этом предполагалось, что подавляющая масса населения выберет вторую, пирамидальную модель.

Однако реальность оказалась несколько иной. Действительно, пирамидальную модель, где по мере нарастания бедности численность соответствующих слоев становится все больше, выбрало свыше половины населения - 55,6%. Причем чем старше были люди, тем с большей частотой они выбирали этот образ (в группе 56-65-летних ее выбрали более 60% при 48,2% в группе 16-25-летних). В то же время почти 1/3 предпочла первую модель, где общество разделено на 2 практически никак не связанные между собой части - элиту, определенным образом структурированную внутри себя, и остальное население также со своей собственной структурой. Выбор значительной частью населения, прежде всего относительно молодых возрастов, модели общества, где элита полностью оторвана от остальных слоев населения, свидетельствует, на мой взгляд, об усилении отчуждения основных слоев общества от его "верхушки".

Что касается третьей и четвертой модели, то они предполагали наличие в обществе достаточно большого среднего класса. При этом третья модель, наиболее популярная в возрастных группах до 35 лет, допускала глубокую социальную дифференциацию, а четвертая свидетельствовала о достаточно сильной социальной однородности. Россияне не допускают даже мысли о том, что современное российское общество можно рассматривать в виде относительно однородного (только 0,4% выбрали четвертую модель), и весьма скептически настроены к версии о наличии массового среднего

Распределение россиян по статусным позициям в выбранных ими моделях
российского общества (в %)

Статусные позиции	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Всего по массиву
Первая	0	0	0	0	0
Вторая	0,5	0,4	0,3	0,0	0,5
Третья	8,2	0Д	0,0	15,4	2,8
Четвертая	10,1	1,1	3,8	7,6	4,3
Пятая	8,7	2,5	26,5	0,0	7,3
Шестая	11,2	8,2	35,9	46,2	12,4
Седьмая	19,6	14,0	19,7	0,0	16,3
Восьмая	17,3	25,8	7,4	23,1	20,9
Девятая	15,9	28,3	4,0	0,0	21,4
Десятая	8,5	19,5	2,4	7,7	14,1

класса (третья модель даже до августовского кризиса получила всего 11,3% поддержки).

Основой выбора той или иной модели было ощущение человеком собственного места в российском социуме. Среди избравших первую модель более 80% поместили себя в "большой эллипс", причем распределение их по отдельным статусным позициям, хотя и было несколько смещено вниз, в целом действительно воспроизводило контуры этого эллипса. Среди выбравших пирамидальную модель более 85% составили те, кто располагал себя на четырех низших статусных позициях, а среди сторонников третьей модели свыше 80% расположили себя в центральном круге, в диапазоне от четвертой до шестой статусной позиции. Четвертую же модель избирали в большей степени те, кто ощущал свой статус как промежуточный и довольно расплывчатый. Поэтому "пики" в ней оказались там, где в остальных моделях показатели были очень незначительны (см. табл. 1).

Для проверки правильности интерпретации распределения различных статусных позиций ответы россиян на вопрос об их месте в статусной иерархии были сопоставлены с их самооценками принадлежности к тому или иному классу общества. При этом были использованы две шкалы. Одна - трехчленная — состояла из "высшего", "среднего" и "низшего" классов. Вторая - пятичленная - включала также позиции "между высшим и средним" и "между средним и низшим" классами.

Как оказалось, низшим классом в "трехчленке" выступают те, кто относит себя в "пятичленке" к "низшему" и "ниже среднего", а в "десятичленке" - к двум последним статусным позициям,* т.е. на рисунке 5 - к точке перелома и суживающемуся основанию "купола". В то же время высший класс везде воспринимается как "высший" и в исследованиях рядового населения представлен только высшей точкой "купола". Что касается группы между высшим и средним классом, то ей соответствуют статусные позиции до третьей включительно (т.е. те, которые выше были отнесены мною к "верхнему среднему" классу или "околоэлитным" слоям). Средним классом оказываются те, кто относит себя к четвертой-седьмой позициям (как уже говорилось выше, четвертая-шестая позиции - это средний класс, а седьмая позиция — та часть базового слоя, которая по своему образу и уровню жизни может быть отнесена к среднеобеспеченным). Наконец, восьмая статусная позиция - это слой между средним и низшим классом. При совмещении со шкалой, выделенной по критерию образа и уровня жизни, она в основном соответствовала малообеспеченности. В этом отношении можно говорить о том, что, определяя свой статус вербально, россияне склонны, скорее, чуть завышать его, чем занижать, и вербальная оценка менее информативна в этом смысле, чем полученная с помощью графических тестов.

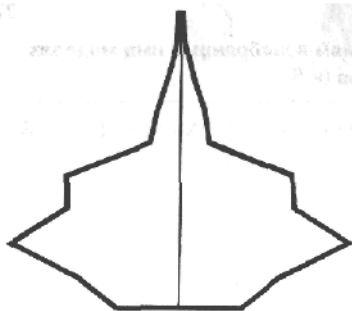

Рис. 7 Социальная структура России в декабре 1998 года.

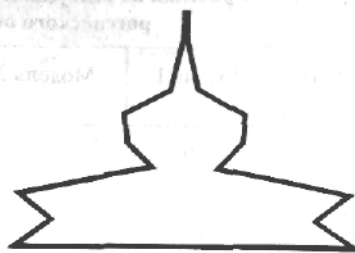

Рис. 8. Социальная структура России летом 1999 года.

Суммируя, можно сказать, что в сознании россиян к 1998 году утвердилась такая основанная на ощущении собственного статуса модель социального устройства современного российского общества, где *основная часть населения противопоставит его верхушке, существует сильная социальная дифференциация, а большинство населения сосредоточено в наиболее бедных слоях.*

Нагляднейшее подтверждение правильности этой модели дал августовский кризис 1998 года. Первые его последствия для изменения самооощущения социального статуса зафиксировало исследование "Современное российское общество: переходный период", проведенное в декабре 1998 года (руководитель - В. Мансуров). Как по казывают данные этого исследования [3], в конце позапрошлого года модель социальной структуры России, построенная по самооощущениям россиян, имела следующий вид (см. рис. 7)⁸.

Как видим, в ней опять, как и в структуре 1992 года, начинает появляться угловатость линий, характерная для периодов массовой смены социальных статусов, и идет резкий рост численности представителей предшественных статусных позиций. Если же, используя результаты мониторингового исследования РНИСиНП, проведенного в июне 1999 года, попытаться посмотреть, как выглядит социальная структура современной России, и сопоставить полученные данные с результатами годичной давности (июня 1998 года), то можно увидеть, что все наиболее характерные ее особенности стали еще нагляднее (см. рис. 8)⁹.

При всей наглядности моделей социальной структуры России и динамики этой структуры, получаемых на базе самоооценок россиянами своего социального статуса, принципиальное значение для их использования имеет вопрос о том, насколько оправдано принятие за основу анализа социальной структуры субъективных самоооценок? Несовершенство попыток построить модель социальной структуры только на базе статистических данных, связанное с огромным теневым сектором экономики, охватывающем до 40% всей экономики России, общеизвестно. Но не будет ли еще более произвольна и далека от истины стратификационная модель российского общества, построенная на субъективных оценках и самооценках респондентов?

Чтобы ответить на этот вопрос, мною была предпринята попытка понять, какие же факторы предопределяли самоотнесение россиян к тому или иному классу, само-

⁸ Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1 (высшая) позиция - 0,3%; 2 позиция - 0,7%; 3 позиция - 2,1%; 4 позиция - 3,9%; 5 позиция - 4,7%; 6 позиция - 17,8%; 7 позиция - 18,0%; 8 позиция - 26,3%; 9 позиция - 16,3%; 10 (низшая) позиция - 9,8%.

Численные значения, использовавшиеся для построения модели: 1 (высшая) позиция — 0,2%; 2 позиция - 0,1%; 3 позиция - 0,8%; 4 позиция - 1,8%; 5 позиция - 8,3%; 6 позиция - 8,2%; 7 позиция - 4,7%; 8 позиция - 24,4%; 9 позиция - 19,2%; 10 (низшая) позиция - 25,4%.

Таблица 2

Самооценка своего материального положения по сравнению с положением окружающих в группах с разной самооценкой своего социального статуса (в %)

Положение в настоящее время	Верхний средний класс	Средний класс	Базовый класс	Низший класс
Значительно лучше	45,8	7,8	0,8	1,3
Несколько лучше	39,6	49,0	20,9	9,7
Такое же	12,5	39,2	58,9	42,2
Несколько хуже	1,0	4,0	17,1	34,4
Значительно хуже	1,0	0,1	2,3	12,3

Таблица 3

Удовлетворенность своим положением в обществе в группах с разной самооценкой своего социального статуса (в %)

Удовлетворенность	Верхний средний класс	Средний класс	Базовый класс	Низший класс
Удовлетворены	60,4	19,7	3,8	1,9
Скорее удовлетворены	35,4	40,5	19,1	9,7
не удовлетворены				
Не удовлетворены				
Затруднились с ответом				

оценку ими своего социального статуса¹⁰. Как оказалось, это различия по соотношению их материального положения и уровня благосостояния окружающих, динамике измерения материального положения, образу жизни и структуре потребления, социальному самочувствию, по душевному доходу, заработной плате, особенностям социальных контактов и политических позиций, характеру проблем, которые их тревожат.

Причем, как показала математическая обработка полученных данных в программе SNAID, среди пяти переменных, имевших наиболее тесные корреляционные связи с самооценкой социального статуса, в порядке убывания значимости были: 1) самооценка своего материального положения по сравнению с положением окружающих; 2) удовлетворенность своим положением в обществе; 3) представление о том, каким оно будет через 2-3 года, отражающее реальный уровень уверенности в завтрашнем дне; 4) изменение уровня своего материального благосостояния по отношению к окружающим за период реформ; 5) интегральная самооценка уровня своего материального благосостояния по отношению к индивидуальному представлению о том, каким оно должно быть. Таким образом, интуитивно определяя свое место в социальной иерархии, люди сознательно или бессознательно руководствовались действительно чрезвычайно важными для оценки их социального статуса признаками. Причем для каждого из выделенных четырех классов набор этих признаков характеризовал качественно различные социальный статус и социальное самочувствие (см. табл. 2-6)¹¹.

Для проверки этого использовались данные ежеквартальных мониторингов РНИСиНГТ и исследований "Граждане новой России:

кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить" и "Средний класс современной России".	2,	23,4	41,9	27,9
	1	8,1	25,	51,3
	1,0	8,4	2	9,1

¹¹ Данные исследования РНИСиНП "Есть ли в России средний класс?" (1999 год, общероссийская целевая выборка 1765 человек).

Таблица 4

Представления о том, каким будет их материальное положение по отношению к окружающим через 2-3 года, в группах с разной самооценкой своего социального статуса (в %)

Положение через 2-3 года	Верхний средний класс	Средний класс	Базовый класс	Низший класс
Значительно лучше	43,8	11,9	1,4	1,3
Несколько лучше	39,6	38,8	16,7	8,4
Такое же	14,6	44,5	62,8	42,9
Несколько хуже	2,1	3,6	13,5	24,7
Значительно хуже	0,0	1,2	5,7	22,7

Таблица 5

Изменение уровня своего материального благосостояния по отношению к окружающим за период реформ в группах с разной оценкой своего социального статуса (в %)

Группа	Верхний средний класс	Средний класс	Базовый класс	Низший класс
Новые богатые	38,5	34,4	16,4	2,6
Старые богатые	49,0	24,5	9,0	8,4
Стабильные	5,2	24,0	35,8	24,0
Потерпевшие	6,3	15,6	30,3	40,9
Новые бедные	1,0	1,3	6,9	18,2
Старые бедные	0,0	0,2	1,7	5,8

Таблица 6

Интегральная оценка своего социального статуса в группах с разной материальной обеспеченностью (в %)

Социальный статус	Высокообеспеченные	Среднеобеспеченные	Низкообеспеченные	За чертой бедности	Затруднились ответить
Верхний средний	59,6	5,7	0,5	7,1	5,5
Средний	38,3	63,5	26,4	7,1	29,1
Нижний средний	2,1	28,0	55,0	32,1	56,3
Нижний	0,0	2,8	18,1	53,7	9,1

Как видно из таблиц 2-4, представители верхнего среднего класса не только живут заметно лучше окружающих и в значительно большей степени удовлетворены своей жизнью, но и на будущее они смотрят гораздо оптимистичнее. Что же касается среднего класса, то он не столь оптимистичен, хотя большинство (50,7%) все же рассчитывает на сохранение достаточно высоких статусных позиций. Базовый класс рассчитывает в основном не более чем на сохранение своих и без того не слишком высоких позиций, а представители низшего класса в значительной своей массе (47,4%) ожидают, что по-прежнему будут находиться "внизу", в лучшем случае - сумеют подняться до низшего среднего класса.

Что же касается четвертой из пяти наиболее значимых для самооценки социального статуса переменных (**изменения** положения по отношению к окружающим за

годы реформ), то о ней надо сказать особо. Динамика этого показателя рассчитывалась с помощью специального индекса, введение которого было связано с необходимостью снивелировать при анализе изменения уровня благосостояния в ходе рыночных реформ общее ухудшение материального положения большинства населения России.

В соответствии с этим индексом были выделены шесть групп. Первая включала тех, у кого за годы реформ материальное положение улучшилось, и была условно названа "новые богатые". Вторая, условно названная "старые богатые", включала тех, кто и до реформ жил и в настоящее время живет лучше окружающих. Третья объединяла тех, у кого все это время было относительно стабильное среднее материальное положение, и была названа "стабильные". Четвертая группа включала россиян, материальное положение которых по отношению к окружающим в период реформ ухудшилось ("потерпевшие"). К пятой группе относились те, чьи жизненные стандарты в этот период катастрофически упали, в связи с чем она получила название "новые бедные". Наконец, последняя группа ("старые бедные") объединила тех, чье положение и раньше, и сейчас было хуже, чем у окружающих. Из таблицы 5 видно, каково примерное соотношение этих групп в верхнем среднем, среднем, базовом и низшем классах российского общества.

Как видим, в верхнем среднем и среднем классах наблюдалась очень высокая социальная мобильность, превышающая 1/3 всей группы. Однако если для верхнего среднего была характерна также очень высокая доля представителей тех, кто и раньше, в советские времена, жил лучше окружающих, то собственно средний класс характеризуется разнонаправленными потоками социальной мобильности. Отчасти сюда, видимо, перешли представители ранее привилегированных слоев, положение которых за годы реформ ухудшилось, но все же не настолько, чтобы "выпасть" из относительно благополучной части общества. Около 1/4 составляют люди, которые осмели сохранить свой и ранее достаточно высокий уровень благосостояния, но, руководствуясь различными мотивами, к верхнему среднему классу себя все же не относят. Еще около 1/4 - это те, чей уровень благосостояния хотя и не очень высок, но и не слишком низок и позволяет с учетом других факторов, о которых будет говориться ниже, отнести эту часть населения к среднему классу.

Базовый и низший классы включали в себя значительную группу (37,2% для низшего среднего и 52,1% для низшего) тех, кто характеризовался нисходящей социальной мобильностью. Это та часть "крыльев" в общей модели социальной структуры, которые в результате реформ опустились и превратили ее модель в куполообразную.

Таким образом, процессы смены социальных статусов за последние семь лет охватили практически все общество, предоставив людям возможность как резко улучшить, так и резко ухудшить свое положение в обществе. Однако если улучшить его смогла относительно небольшая часть населения, то ухудшение затронуло основную массу россиян.

Наконец, что касается самооценки материального положения как пятой переменной, имеющей важнейшее значение для самооценки социального статуса и основанной на различиях в уровне реального душевого дохода, то роль ее наглядно видна в таблице 6.

Материальное положение не только объективно является решающим критерием для определения населением России своего социального статуса, но и субъективно осознается им в качестве такового. Во всяком случае именно оно оказалось безусловным лидером при ответе на прямой вопрос о том, чем руководствовались респонденты, оценивая свой социальный статус. Однако это далеко не единственное, что они при этом учитывали. Более того, материальное положение имело относительно большее значение для двух низших классов - если у верхнего среднего как фактор, который учитывался ими в числе важнейших, его отметили 69,8%, у среднего - 70,8%, то у нижнего среднего уже 79,2%, а у низшего даже 83,8%.

Среди остальных критериев, которые учитывались ими при самоопределении своего социального статуса, были такие, как:

- образ жизни (40,2% по массиву в среднем при 44,5% у собственно среднего класса и только 27,3% у низшего класса, что свидетельствует о важности этого признака именно для среднего класса в отличие от остальных);

- степень престижности профессии (39,6% у верхнего среднего, 23,3% у среднего и только 7,0 и 3,2% у нижнего среднего и низшего, соответственно);

- уровень образования (35,4% у верхнего и 22,1% у среднего; относительно менее значим этот признак был для нижнего среднего и низшего класса - 14,4% и 9,1%, соответственно);

- уважение окружающих (39,6% у верхнего среднего, 23,3% у среднего, 7% у нижнего среднего и 3,2% у низшего классов);

- уровень квалификации (18,8% у верхнего среднего, 16,5% у среднего, 7,8% у нижнего среднего и 7,1% у низшего классов);

- связи и знакомства (11,1% при 15,6% у верхнего среднего, 11,0-11,2% у нижнего среднего и среднего классов и 8,4% у низшего);

- близкой для всех групп была значимость такого признака, как должность на работе (16,5%-22,9% в разных группах при 17,5% в среднем по массиву).

Таким образом, наряду с материальным положением для верхнего среднего класса особое значение имели престижность профессии, уважение окружающих и уровень образования, а для среднего - образ жизни, престижность профессии и уважение окружающих. Именно эти характеристики выступали основными критериями социального статуса и позволяли людям с достаточно заметно различающимся уровнем материального благополучия относить себя к одинаковым статусным позициям. Причем чем выше была, например, квалификация, тем относительно меньшее значение начинали играть материальные факторы.

Как пример "выравнивания" статусов за счет одновременного действия нескольких критериев, а не только материального положения можно привести гуманитарную интеллигенцию. Ее представители, в основной своей массе относясь к не очень благополучным в материальном отношении слоям населения, за счет других характеристик оценивали свой статус достаточно высоко. Прямо обратным образом складывалась ситуация у рабочих.

Это подводит нас к вопросу о социально-демографическом портрете четырех основных классов российского общества. Сразу оговорюсь, что эти "портреты", полученные на основе самооценок самих россиян и частично приведенные ниже, во многом похожи на те, которые были получены Заславской при анализе социологических массивов ВЦИОМ с использованием ею самой отобранных объективных критериев. Итак, верхний средний класс - в массе своей высокообразованные люди. Средний класс также достаточно высокообразован. И хотя доля лиц с ученой степенью здесь в три раза меньше, но около 60% в нем имеют высшее образование. В нижнем среднем и низшем классах число лиц со средним и специальным средним образованием составляет уже более 50%.

Анализ должностных и профессиональных статусов показывает, что костяк верхнего среднего класса - это руководители и бизнесмены, имеющие собственные фирмы с наемными работниками. Отчетливо ощущается в нем также присутствие высококвалифицированных специалистов, достаточно равномерно представляющих гуманитарную интеллигенцию и военных, в меньшей степени - инженерно-технических работников.

Костяк собственно среднего класса составляют прежде всего квалифицированные специалисты и, в несколько меньшей степени, квалифицированные рабочие. Заметное место в составе среднего класса занимают также руководители и предприниматели, включая представителей семейного бизнеса и индивидуальной трудовой деятельности, но они все же не доминируют в среднем классе из-за относительно небольшого их удельного веса в составе трудоспособного населения в целом.

Базовый класс состоит в основном из рабочих, специалистов и служащих из числа обслуживающего и технического персонала. Низший класс объединяет в основном представителей специалистов (наиболее неблагоприятную часть бюджетников), рабочих госпредприятий и служащих, также занятых в бюджетной сфере.

В этой связи надо отметить, что более половины представителей верхнего среднего класса работает на частных предприятиях, а из работников государственных или приватизированных предприятий в него входят в основном их руководители. В среднем классе основная масса также работает на частных предприятиях. Что же касается базового и низшего классов, то тут доминируют представители государственного сектора, и только около 1/4 его составляют работники частных фирм.

Таким образом, анализ изменений социальной структуры России за годы реформ с точки зрения изменения субъективного самоощущения **самих** россиян также свидетельствует о кардинальном изменении самого ее типа. Но если теоретический анализ объективных характеристик этой структуры позволяет говорить о смене ее *системообразующего основания, критериев стратификации* и т.п., то анализ динамики социальной структуры через самоощущение рядовых россиян позволяет представить *массовость и масштабность социальных последствий такого изменения, глубину их социального недовольства, наконец - неестественность такого типа социальной структуры, который сложился сегодня в России и в корне отличается от типа социальной структуры, характерной для современных и стабильных обществ западноевропейских и североамериканских стран.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Косова Л. Социальные реформы и динамика изменения статусов // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 6.
2. Тихонова У.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1999.
3. Современное российское общество: переходный период. М., 1999.

© Н.Тихонова, 2000